

УЛАН ЗАЛАТ

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ.

Историко-литературный, научный, публицистический и информационный неперіодический журнал.
Редакціонная Коллегія: Президіум Калмыцкой Комиссіи Культурных Работников в ЧСР.
Выходит в год не менѣе 4-х раз.

Адрес редакціи: Řevnice u Prahy, č. 120, Tchécoslovaquie.

Улан Залат — Народ, носящій красныя нисти на шапках.

№ 2-й.

15 Марта 1928 года.

№ 2-й.

Монгольскій ученый комитет.

Калмыцкая Комиссія Культурных Работников в Чехословакии между иными цѣлями своей дѣятельности ставит слѣдующія:

а) создавать духовныя основы культурнаго возрожденія Калмыцкаго народа, б) готовить кадры калмыцких культурных работников.

Для осуществленія цѣли, указанной в пунктѣ «а» Комиссія принимает такія мѣры:

1) возрождает національную калмыцкую литературу;

2) собирает памятники: калмыцкаго устнаго народнаго творчества — народный эпос, сказки, пѣсни, пословицы и поговорки; калмыцкаго національнаго искусства, музыки;

3) собирает литературу на калмыцком, монгольском, тибетском и санскритском языках;

4) собирает литературу о калмыках, монголах и других близких им по этнографическим религіозным и т. п. признакам народах;

5) собирает и приобретает предметы буддйскаго культа, искусства, заносывает духовныя мотивы.

В отличіе от калмыцких культурных работников на Родинѣ (Калмыцкой Автономной Области и на Дону), которые агитируют за полную отмѣну національнаго калмыцкаго письма — Зая Пандитовскаго алфавита и введеніе «русской транскрипціи» Калмыцкая Комиссія непоколебимо стоит за сохраненіе и изученіе именно своего національнаго письма и созданіе калмыцкой литературы на этом письмѣ. Этот вопрос очень важный в культурной жизни Калмыцкаго народа и к нему мы будем всегда возвращаться.

Пока замѣтим, что не можем согласиться с тѣми упразднителями своего роднаго письма, которые в качествѣ убѣдительнаго довода говорят, что «монголо-заяпандитская письменность уже во всѣх отношеніях является отсталой, технически неудобной». Кто мало-мальски грамотен в своем письмѣ, имѣет самый малый интерес к своему родному языку и дает себѣ труд парѣдка читать написанное на калмыцком письмѣ, должен признать, что упомянутыя утвержденія об особой «отсталости» и «техническом неудобствѣ» нашего письма не имѣют серьезнаго основанія. Обычно так утверждающіе чаще всего бывают неграмотны или едва грамотны. Им дѣйствительно трудно читать и писать.

Участъ нашего роднаго языка, нашей родной письменности и печальна и тяжела, ибо они вытѣснялись с двух сторон: с одной со стороны религіозной жизни — каковая протекает, главным образом, на тибетском языкѣ, совершенно чуждом для калмыков и письменность коего значительно труднѣе, чѣм калмыцкій.

С другой стороны — политика руссификаціи и русская стихія, со всѣх сторон окружающая Калмыцкій Народ, совершенно затирали, оттѣсняли наш родной язык и письменность, отнимая возможность созданія нормальных основ нашей національной литературы (не только, конечно, литературы).

Однако, язык нашего народа есть калмыцкій, его разум, его душа, вся его душевная жизнь, как и личная, так и народная, извиѣ просто, легко и непронизвольно, как сама естественность, воспринимает свой язык, естественное свое выраженіе воиѣ находит в своем языкѣ. Наш народ много вѣков имѣет свое собственное, исторически-національное письмо. Естественное и наилучшее устное и письменное выраженіе своих мыслей и чувств калмык имѣет на своем родном языкѣ и в своем калмыцком письмѣ.

К прискорбію невѣжество, умышленная лѣнь, сознательное или безсознательное пренебреженіе своими собственными національными началами служат источником тѣм из калмыцких дѣятелей, которые не желают знать своей письменности, изучать, развивать свою калмыцкую литературу.

Но объективное изученіе условій и средств національной культурной работы в Калмыцком Народѣ приводят и не могут не приводить к обязательному заключенію, что язык и письмо самой продуктивной національно-культурной работы суть калмыцкій язык и калмыцкое письмо. Казалось, что это должно бы быть истиной само собой разумѣющейся, но таково было и есть приращенное обстоятельством печальное состояніе нашего языка и письма, что даже и теперь в эпоху моральной побѣды во всем мірѣ національных идей, нам приходится еще доказывать, что именно *наш* язык и наше письмо суть наиболѣе цѣлесообразныя средства и орудія для культурнаго развитія Калмыцкаго народа.

Національно-культурная работа группы калмыцких работников в Чехословакии неожиданно нашла национально-культурное обоснование и моральную поддержку далеко на востоке, там, где находятся миллионы наших братьев — в Центральной Азии. Оказались прадеды калмыцкие культурные работники в Чехословакии, стремящиеся создать национальную литературу на своем родном языке и на своей родной грамоте. Вот что пишет из братской калмыкам Монголии один из крупнейших и выдающихся монгольских культурных работников.

«Ваше письмо меня неожиданно обрадовало и страшно тронуло, что горсточка калмыцкой колонии живет и дышит духом национальной культуры на чужбине. Вспомнил я легенду о бадарчине, что значит верить. Вера — великая сила и мы, монгольские национальные работники живем верой в культурное и политическое возрождение Монгольского народа. Я знаю, что в Калмыцкой Автономной Области родное письмо заменено каким то русским алфавитом и что от такой замены ничего не выгадали.

В нашей библиотеке (Библиотеке Монгольского Ученого Комитета) имеется несколько рукописей довольно старых на калмыцком языке. У Дербетского Далай-Хана и у Хана Харашарских торгутов, повидимому имеются, довольно значительные библиотеки на калмыцком языке. Я надеюсь, что нам удастся приобрести кое-что из библиотек в подлиннике или в копиях. С каждым годом прибавляется количество монгольских книг. Между ними имеются уникалы, как Данджур на монгольском языке и Алтан Тобчи.

Ученый Комитет, несмотря на ограниченное число своих ответственных сотрудников, из года в год снаряжает научные экспедиции по Монголии. В последнее время Академия Наук СССР тоже посылала ряд научных экспедиций согласно своим работам с задачами Ученого Комитета. Но научные труды Ученый Комитет еще не скоро напечатает. Мы ограничиваемся пока изданиями для народного чтения популярных книжек. С будущего года, вероятно, удастся начать издание популярно-научного журнала на монгольском языке. До сих пор у нас не было хорошего учебника по истории монголов. Министерство Народного Просвещения и Ученый Комитет совместно поручили Г. Г. написать учебник истории монголов. Предполагается дополненное переиздание монгольского толкового словаря. Над этим сидит несколько лиц монголов. Так как в прежние толковые словари пекинского издания не вошли термины научно-философского характера, Ученый Комитет озабочен установлением необходимых терминов, не вошедших в словарь. Работа идет в двух направлениях: с одной стороны устанавливаются термины, необходимые в учебной литературе, например, по естествознанию, математике, физике и т. п., а с другой — установление терминов, согласованных с их европейскими эквивалентами по философии, логике, психологии и т. п.

Над второй работой сидит группа лам, а над первой работает группа молодежи с европей-

ским образованием. Монгольский Данджур являясь целой энциклопедией Индийской науки, очень богат терминами философского характера. Самые уточненные понятия имеют свои установленные термины и если нам удастся при помощи европейских специалистов — санскриптологов и тибетологов найти соответствующий эквивалент на одном из европейских языков, то результаты работы Ученого Комитета будут полезными не только для нас монголов, но и для европейского ученого мира, а в частности для буддологов. Приходится удивляться богатству и гибкости монгольского языка. Впрочем, прошлая история монголов настолько имела широкие размахи, настолько сталкивалась с разными культурными странами, что неизбежно отразилось на монгольском языке, обогатило духовное содержание и язык этого исторического народа. Нам только остается умело использовать то колоссальное богатство языка, которое накопили и оставили нам предшествующие поколения.

Ученый Комитет озабочен развитием монгольской национальной музыки и кое-что в этом направлении сделано. В экспедиции Козлова участвовал композитор К., который занялся целью изучить монгольскую музыку и мелодии. К. работает теперь у нас в Ученом Комитете. При Ученом Комитете предполагаем создать специальную студию-школу для культивирования национальной музыки. Монгольская национальная музыка безусловно может занять особое место в международной музыке и долг Ученого Комитета не только спасти национальную музыку и песни, но совершенствовать и развивать дальше.

Последнее время Ученый Комитет налаживает научно-культурную связь с Тибетом. В Пекине имеется новое монгольское издательство, которое печатает исторические книги и романы, переведенные с китайского. Среди монгольской интеллигенции замечается большой интерес к родной истории и литературе. Нарождаются уже молодые писатели, пропитанные духом Востока и Запада, но в сердце хранящие дух свободной Монголии.»

Вот точные сведения о той великой историко-культурной работе, которая ведется нашими братьями-монголами. С их национально-культурной работой в созвучии идет несомненно вся рвущаяся вперед к закреплению своей национальной независимости и свободе душа славного по своему прошлому Монгольского народа. Часть коего и мы, калмыки, составляем.

Несомненно, что лучшие сыны своего народа твердо и достойно стоят у государственного руля монгольского национального корабля. Но для нас особенно наглядно, как в соответствии с великим историческим моментом мудро ведет свою национально-историческую миссию Монгольский Ученый Комитет.

Не может быть сомнения в славных плодах его работы. В нашем распоряжении имеется изданный в Лейпциге Монгольским Ученым Комитетом (Монгольская Академия Наук. Эр. ач.) прекрасный школьный географический атлас, превосходная политическая карта Монгольского независимого государства и карта

полушарій на монгольском языкѣ и монгольской письменности. Никаких «технических неудобств» от послѣдней, очевидно, не произошло, ибо дѣло находится в знающих и свое національное дѣло любящих руках.

Один из виднѣйших культурных работников Монгольскаго Ученаго Комитета г. Иши-Доржи в настоящее время является руководителем большой группы монгольской учащейся молодежи в Германіи и Франціи.

Калмыцкая Комиссія от души посылает г. Иши-Доржи, как и всѣм его питомцам, братскій привѣт и пожеланіе плодотворной

работы на благо и процвѣтаніе своей Родины.

Калмыцкая Комиссія посылает свой братскій привѣт верховному руководителю Монгольской науки, искусства и культуры — Монгольскому Ученому Комитету. Далеко он от нас пространственно, но близок нашему сердцу и уму.

Пусть снова и снова возродится и окрѣпнет имя монголов, но не в качествѣ непобѣдимых завоевателей, а как братскій член цивилизованной семьи народов...

Да будут мир и благо!..

Десять лѣт (Арван Джил) Совѣтской власти.

В ноябрѣ истекшаго года прошло восемь лѣт, как впервые в своей исторіи три тысячи калмыков прибыло на берега Босфора и Мрамарнаго моря. Прибыло не ради развлечения, веселья, а врагами изгнанные на чужбину.

Помните ли, братья, нынѣ разсѣянные по углам и уголкам Европы и Африки, как в холодные, дождливые ноябрьскіе дни 1920 года, голодные, грязные, разбросанные по разным кораблям, тоскующіе и рвущіеся друг к другум, вы, один за другим прибывали к чужим берегам, к дотолѣ незнакомым, чужим народам.

Позади Крым, Новороссійск, Кубань, Маньч, Егорлык, Лопанка, грязь невылазная, разстрѣлы, кровь, стоны, смерть, погром, горе небывное, незабываемое, ужасы непередаваемые, Черное море, муки жажды, голода.

Потом из Константинополя одних увезли в Требинье, других в Болгарію, иных расселили по лагерям, а потом бросили на остров Лемнос.

И многое, многое было потом, когда мы несли горькую жизнь изгнанія, жизнь чужбины.

Наша эмигрантская калмыцкая семья нынѣ разсѣялась: во Франціи, Югославіи, Болгаріи, Чехословакии, Польшѣ, Африкѣ. Разлученные друг от друга с тоской и болью в душѣ безсильно тянутся друг к другу отцы, дѣти, братья: на чужбинѣ же мы соединиться бы между собою, вмѣстѣ бы пожить, горе и радость дѣлать.

Но бѣгут дни за днями, проходит недѣля за недѣлей, годы уходят, а мы все еще на чужбинѣ, ѣдим горькій хлѣб изгнанія. А когда этому конец? Сойдемся ли? Будем ли когда вмѣстѣ на родной землѣ, за родными очагами?

Кому открыто будущее, кто знает книгу судеб?..

Как все это случилось. Почему. Или все совершившійся страшный сон, кошмар? Чавас-а.— Увы. Перед нами сама тяжелая, печальная дѣйствительность.

Мы, калмыки, уже восьмой год вдали от родных Земель, вдали от нашего народа, наших степей, среди чужих народов, в чужой обстановкѣ. Волей судеб несущіе бремя эмиграціи, во всѣх странах, принявших, пріютивших нас, мы упорно боремся за жизнь, стараемся приспособиться к условіям жизни каждой страны.

Нелегка эта суровая, трудная жизнь, но, напрягая всю свою энергію, развивая всѣ свои

силы, калмык-эмигрант всюду с честью отстаивает свое существованіе.

Но за постоянными заботами о завтрашнем днѣ калмыку-эмигранту остается мало времени, чтобы порою уметвенными взорами окинуть прошлое, осознать, как оно произошло. А нужно временами это дѣлать, дабы не раствориться в тяжелой дѣйствительности и не стать слѣпым рабом своего сурового труда, чтобы не утратить своего нравственного и національнаго облика и не забыть горестей и страшных жертв своих и своего народа, дѣлаясь слѣпым и безразличным к своему и своего народа прошлому, настоящему и будущему.

Да, тяжела трудовая жизнь нашего изгнанника-брата, калмыка, но не может и не должна она ни на минуту заслонить его мысль; его достоинство и честь требуют строгаго уметвеннаго и душевнаго прозрѣнія. Желаніе избѣгать в будущем ошибок требует осознанія не только своего настоящаго, но и прошлаго.

*

Немного нас, калмыков, было в Россіи, а калмыков-донцов и того меньше. Не нужно напоминать нам, какая так недавно была жизнь, какое хозяйство и сколько добра было у нас, калмыков-донцов.

Наши юноши, малыми дѣтьми выѣхавшіе из Россіи, и дѣти, родившіяся на чужбинѣ *уже* не знают своих станиц-аймаков, слабо знают свой родной язык, своих родственников, своего рода-племени — ясан. Нашим юношам и дѣтям почти непонятно, что такое аха-дюнэр, нага-цанар, зэнэр, бюлялид и т. д. (родственники по мужской и женской линіям).

А знают ли наши дѣти и юноши калмыцкія дѣтскія игры, наши національныя празднества, калмыцкія ширшества, простыя, незатѣйливыя, но сильныя, захватывающія. Нѣтъ, не видали они их.

А наши хурулы, богослуженія с молитвами, пѣніем духовенства и вѣрующих, духовную музыку, эту своеобразную, интересную и красивую поэзію! Ничего этого не видали наши эмигрантскія дѣти и мало помнят наши юноши и молодые люди. Их мысли и души не могли и не успѣли пріобщиться, прочувствовать своеобразіе и прелесть нашей національной кал-